

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.13

EDN: QUQJJC

Научная статья

Research article

НАУКА И ПОЛИТИКА: РИСКИ ВОЗМОЖНОГО СИМБИОЗА

**Ваганов
Андрей Геннадьевич¹**

¹ «Независимая газета», Москва, Россия

Для цитирования: Ваганов А. Г. Наука и политика: риски возможного симбиоза // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 192–205. DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.13. EDN QUQJJC.

Аннотация. Наука и научное сообщество могут быть использованы различными политическими силами в своих интересах. В предлагаемой статье автором принята попытка проследить некоторые аспекты функционирования взаимосвязи между политической властью и научным сообществом. На примерах показаны эффекты возникновения обратных связей между властными структурами и научными организациями, отдельными учёными. Отмечается, что возникновение феномена недостоверной научной информации (*misinformation about science*) зачастую отвечает локальным, имиджевым интересам отдельных учёных и научных сообществ. В современной России эта ситуация усугубляется ещё и низким уровнем взаимодоверия между наукой и обществом, наукой и политическими силами, а также внутри самого научного сообщества. По-видимому, это связано с адаптацией науки к рынку труда, когда слабеют идеалы профессиональной автономии науки. Вместе с тем благодаря феномену *misinformation* антинаучная позиция может стать официальной идеологической и политической платформой даже несмотря на высокий уровень поддержки научных исследований государством. И в этом смысле можно говорить о научной идеологии и особой индивидуальной ответственности каждого учёного. Понятно, что это – идеальная модель, которую вряд ли удаётся полностью реализовать. Именно поэтому делается вывод о важности того, чтобы научное сообщество оставалось независимым и соблюдающим научные принципы и научную этику. Научные исследования должны проводиться в соответствии с академическими стандартами, а экспертные выводы должны основываться на фактах и доказательствах, а не на политических мотивах. Учёные должны стремиться к честному и объективному исследованию, что поможет предотвратить манипуляции и использование науки в политических целях.

Ключевые слова: недостоверная научная информация, научная политика, научная экспертиза, имидж науки, общественное мнение, академия наук, манипуляция научными данными

SCIENCE AND POLITICS: RISKS OF POSSIBLE SYMBIOSIS

Andrey G. Vaganov¹

¹ Nezavisimaya Gazeta, Moscow, Russia

For citation: Vaganov A. G. Science and politics: Risks of possible symbiosis. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):192–205. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.13.

Abstract. Science and the research community can be used by various political forces to their advantage. In the proposed article, the author attempts to trace some aspects of the functioning of the relationship between political power and the academic community. The examples show the effects of feedback loops between government structures and scientific organizations and individual researchers. It is noted that the emergence of the phenomenon of unreliable scientific information (misinformation about science) often meets the local, image-building interests of individual scientists and scientific communities. In modern Russia, this situation is further aggravated by the low level of mutual trust between science and society, science and political forces, as well as within the research community itself. Apparently, this is due to the adaptation of science to the labor market, when the ideals of the professional autonomy of science are weakening. At the same time, thanks to the phenomenon of misinformation, an anti-scientific position can become an official ideological and political platform, even despite the high level of government support for scientific research. And in this sense, we can talk about the scientific ideology and the special individual responsibility of each scientist. It is clear that this is an ideal model, which is unlikely to be fully implemented. That is why it is concluded that it is important that the scientific community remains independent and adheres to scientific principles and ethics. Scientific research should be conducted in accordance with academic standards, and expert conclusions should be based on facts and evidence, not on political motives. Scientists should strive for honest and objective research which will help prevent manipulation and the use of science for political purposes.

Keywords: scientific misinformation, scientific policy, scientific expertise, image of science, public opinion, academy of sciences, manipulation of scientific data

2025-й – четвёртый год Десятилетия науки и технологий, объявленного Президентом РФ В. В. Путиным. Помимо всего прочего, это означает и лишний раз подтверждает, что наука стала инструментом большой политики. Причём очень востребованным инструментом. Однако, как представляется, само научное сообщество склонно воспринимать себя как субъект политики.

Как раз в самый канун 2025 г. в США был опубликован солидный – 400 страниц – доклад “Understanding and Addressing Misinformation About Science” («Понимание и установление источников недостоверной информации о науке») [1]. Документ подготовлен Национальными академиями наук, инженерии и медицины США (National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine). Академик А. Р. Хохлов в своём Telegram-канале вносит важное терминологическое уточнение: «Термин “misinformation” переводится как “недостоверная информация” (в отличие от “disinformation” – дезинформации, которая намеренно вводит в заблуждение адресата такой информации)»¹.

¹ Хохлов А. Национальная академия наук США... // Алексей Хохлов. Блог в Telegram : [сайт]. 2024. 20 декабря. URL: <https://t.me/khokhlovAR/881> (дата обращения: 12.02.2025).

В докладе речь идёт именно о “misinformation”. «Если недостоверная информация о науке приводит к убеждениям, которые противоречат общепринятым научным данным, последствия могут быть глубокими. Ложные представления и убеждения могут привести к проведению и поддержке политики, которые не поддерживаются общепринятой наукой и/или не соответствуют индивидуальным предпочтениям и целям, что в свою очередь приведёт к негативным последствиям для отдельных лиц, сообществ и общества в целом, — отмечают руководители группы, которая готовила доклад, доктора философии Т. Э. Тейлор и К. Вишванат. — Фактически некоторые политики требуют принятия мер по пресечению недостоверной информации и прекращению её распространения и негативного воздействия. Многие действия в политической и законодательной сферах уже рассматриваются» [1, р. xiii] (здесь и далее пер. мой. — А. В.).

Исследовательские задачи, которые стояли перед ними, Т. Э. Тейлор и К. Вишванат формулируют так: «Нам ещё многое предстоит узнать о динамике недостоверной информации о науке в информационной экосистеме: мы мало знаем о том, как *misinformation* распространяется внутри и влияет на различные сообщества, особенно на малообеспеченные и социально уязвимые группы; мы меньше знаем о *misinformation*, которая распространяется через “офлайновые” социальные сети и старые средства массовой информации, такие как радио или телевидение, чем в онлайн-контексте; и нам необходимо лучше понять, как конкретные меры, направленные на борьбу с негативными последствиями недостоверной информации, могут работать в сочетании и в большом масштабе» [1, р. xiv].

Главный вывод, к которому приходят составители доклада: «Те, кто выбирает для себя роли публичных коммуникаторов науки, должны понимать, как научные доказательства, которые они сообщают, могут быть неверно истолкованы без соответствующего контекста, и они должны включать важные оговорки и ограничения применимости научных результатов в свою публичную коммуникацию» [1, р. 4].

С этим выводом трудно полемизировать. Вот и историк, академик РАН М. Д. Бухарин уверен: «В модель отношений государства и науки должна входить забота о ментальном и душевном здоровье нации, которое обеспечивается не только медикаментами и стационарами, но и средствами массовой информации, печатными и электронными, институтами массовой культуры. Засилье шарлатанов всех сортов на телевидении, беспроblemный выпуск печатной продукции, затуманивающей сознание “рядового гражданина”, обрекает общество на жизнь во мраке и гарантирует на многие поколения сохранение связанной с ним “власти тьмы”. Государство через науку должно выступать в роли “мягкой силы” по воспитанию общества» [2, с. 14].

Однако можно отметить: именно так, через «сознание “рядового гражданина”», науку и адаптируют под цели политической целесообразности. И в этом смысле доклад американских социологов интересен и полезен ещё и потому, что в нём не просто умозрительные рассуждения. Доклад исходит из анализа большого массива наукометрических и социологических данных. Американская традиция социометрики имеет уже почти двухсотлетнюю историю. И до сих пор остаётся самой авторитетной в мире.

Так, исследование компании Pew Research Center (опрос среди 9593 взрослых жителей США с 21 по 27 октября 2024 г.) было посвящено доверию общества к учёным и взглядам на их роль в формировании политики [3]. Большинство американцев (76%) уверены в том, что учёные действуют в интересах общества. Это немного больше, чем в 2023 г., что свидетельствует о переломе в тренде на снижение доверия во время пандемии COVID-19. В целом, 51% отмечают, что учёные должны играть активную роль в общественных политических дебатах по вопросам науки, в то время как 48% говорят, что они должны сосредоточиться на установлении фактов и не вмешиваться в политику. И это тоже – очень существенная величина. Причём обращает на себя внимание тот факт, что большее число демократов, чем республиканцев, уверены, что учёные действуют в интересах общества (88% против 66%).

Любопытно, как общественное мнение в США рисует себе портрет учёного. Большинство считает учёных-исследователей умными (89%) и сосредоточенными на решении реальных проблем (65%). Столько же, 65%, считает, что учёные – это честные люди, которые умеют работать в команде (71%).

Интересный штрих к этому словесному портрету обобщённого учёного добавляют результаты исследования, которое было опубликовано также в ноябре 2024 г. в журнале Nature. Оказывается, публика вовсе не «дура», и доверие общества к учёным, проявляющим скромность в своей научной деятельности, значительно выше. Скромность повышает уровень доверия к учёному и результатам его исследований, способствует намерению следовать его рекомендациям и опираться на представленную им информацию [4].

* * *

«...состояние знания в обществе измеряется тем, что знает обычный человек, а не эксперт-исследователь», – считает Стив Фуллер, профессор социологии Уорвикского университета (Великобритания) [5, с. 76].

«Неудивительно, что слово “рациональность” стало несколько пугающим. Прежде чем обвинять простых людей в том, что они не придают никакой ценности фактам, на которые указывают так называемые рационалисты, нам стоит обратить внимание на вопиющее извращение смысла этих фактов. <...> ...невежество публики столь драгоценно, что оно оправдывает самые крупные инвестиции», – отмечает французский социолог Бруно Латур [6, с. 116, 138].

Если согласиться с этими утверждениями, – а к этому есть все основания, – то становится вполне объяснимой тенденция «погрузить» научные, академические сообщества в сферу политическую, «растворить» в социальном. В этот момент как раз и возникает соблазн применения “misinformation” как политического инструментария.

Итак, наука и научное сообщество могут быть – и активно используются – различными политическими силами в своих интересах. Представляется, что здесь возможны несколько сценариев.

1. Использование научных исследований в политических целях.

Политики могут «адаптировать» результаты научных исследований, экспертные мнения учёных и научные факты для подтверждения своей позиции,

обоснования принимаемых политических решений или обвинения оппонентов. Они могут контролировать финансирование и направление научных исследований, чтобы получить желаемые результаты.

2. Манипуляция общественным мнением.

Политические силы могут влиять на научное сообщество и научные исследования, чтобы создать определённые общественные настроения или убедить общественность в необходимости определённых политических действий. Это может происходить через медиа, пропаганду или давление на учёных.

3. Контроль над научными ресурсами.

Государственные и политические акторы могут стремиться к контролю над институтами науки, научными журналами, академическими советами и финансированием научных проектов. Это позволяет управлять выводами и рекомендациями учёных, направлять научные исследования в соответствии с их сугубо политическими интересами.

4. Использование учёных в качестве консультантов.

Политические силы могут привлекать учёных в качестве консультантов или экспертов для разработки стратегий, принятия решений или разработки политики. Учёные могут становиться публичными лицами и защитниками определённых политических позиций.

В идеале, конечно, хорошо было бы, если бы научное сообщество оставалось предельно независимым и беспристрастным в предложенных обстоятельствах. Научные исследования должны проводиться в соответствии с академическими стандартами, а экспертные выводы основываться на фактах и доказательствах, а не на мотивах политической целесообразности. Это поможет хотя бы в некоторой степени предотвратить манипуляции и использование науки в политических целях.

На практике политика и массовая культура вполне эффективно формулируют науку, казалось бы – высокоинтеллектуальную сферу деятельности, по своим шаблонам.

«Академия (в данном случае имеется в виду не только академическая наука, но и университетская как пересекающиеся множества. – А. В.) так хорошо готовила людей и её исследования стали настолько социально релевантными, что ей пришлось непрерывно отстаивать свой дух свободного исследования от экономических и политических попыток его сдержать. Это сопротивление часто принимало умышленно антидисциплинарную позу, свойственную импровизационным формам выражения, – я имею в виду тот нечестивый союз плагиата и пустозвонства, который хитрые академики постоянно ловко выдают за истину», – замечает Стив Фуллер [5, с. 9]. Мы же, отметим, что это и есть *misinformation*, недостоверная научная информация.

Надо сказать, что государство в этой ситуации тоже рискует и не всегда обладает подходящим функционалом, чтобы отразить этот риск. Антинаучная позиция может стать официальной государственной доктриной, полностью соответствующей политическим целям и господствующей идеологии.

Так случилось, например, в случае с учением Т. Д. Лысенко о наследственности, которое было официально провозглашено позицией советской биологии. Оно – государство, – кажется, искренне поверило в «социобиологические сказки» агронома Т. Д. Лысенко. Следует подчеркнуть, что это происходило на фоне беспрецедентно высокого уровня господдержки науки и техники в СССР в послевоенный период. Если в 1940 г. число учёных в СССР составляло 98 тыс. человек, то в 1950 г. – 150 тыс. За этот же период доля затрат на науку в ВВП страны выросла с 0,93% до 1,82% [7, с. 70].

* * *

Приведём несколько примеров, когда, казалось бы, сугубо научная оценка становилась фактором принятия политических решений и, наоборот, когда политические интересы адаптировали научную фактуру в приемлемом для себя ключе.

В своём интервью в марте 2006 г., накануне 20-летия Чернобыльской радиационной катастрофы, первый президент СССР М. С. Горбачёв признавался: «...учёные всегда заверяли нас, руководителей страны, что реактор абсолютно безопасен. Академик Александров говорил, например, что РБМК можно ставить хоть на Красную площадь, так как опасности от него не больше, чем от самовара...»².

И это, возможно, стало одной из причин, которая задержала принятие радикальных решений по ликвидации последствий взрыва на АЭС. Впрочем, сам Михаил Сергеевич предлагал, как минимум, разделять ответственность между политиками и учёными: «Чернобыль ясно показал, какая огромная ответственность лежит не только на политиках, но и на учёных, инженерах, проектировщиках, ведь их ошибки могут стоить жизни и здоровья миллионам людей»³.

Другая, уже трафаретная ситуация в спорах о балансе во взаимоотношениях политики и науки – проблема глобальных климатических изменений. Эту коллизию хорошо формулируют английский социолог Райнер Грундманн (Астонский университет в Бирмингеме) и немецкий культуролог Нико Штерн из Университета Цейпелина. Они отмечают: «Что касается изменения климата, то здесь научные и политические дебаты вращаются главным образом вокруг вопроса о том, есть ли непосредственная угроза кризиса или нет. При этом часто приводят в пример озоновую политику, аргументируя, что, возможно, сейчас мы и не видим признаков актуального кризиса (hot crisis... однако в итоге изменение климата может иметь гораздо более серьёзные последствия, чем принято считать. Некоторые участники этих дебатов пытались спровоцировать ощущение кризиса при помощи различных средств риторики... упоминания беспрецедентно высоких средних температур на Земле или переломных моментов (tipping points), задающих такую траекторию климатической системы, из которой уже нет возврата и которая в конечном итоге направляет эту систему по нисходящей спирали, которая заканчивается климатическим коллапсом. Другие опровергали подобные антиутопические сценарии и настаивали на том, что паникёрство всегда контрпродуктивно» [8, с. 257].

² М. С. Горбачёв: «Чернобыль сделал меня другим человеком» // Горбачёв-Фонд : [сайт]. 2006. 2 марта. URL: https://gorby.ru/presscenter/publication/show_24883/ (дата обращения: 03.01.2025).

³ Там же.

Р. Грундманн и Н. Штерн приходят в итоге к довольно жёсткому выводу: «В климатическом дискурсе <...> когда дело доходит до политических мер, наука используется для разделения, а не объединения. Из-за ложного понимания отношения между авторитетным знанием и политической властью разгорелась борьба за “правильное” понимание климатической системы, которое должно было стать основой практических действий. В результате многие граждане, которые в целом были готовы обсуждать превентивные меры, вообще утратили интерес к проблеме. Многим кажется, что от них теперь ждут, чтобы они присоединились к научной платформе, которая либо выше их понимания, либо сомнительна сама по себе. Возможно, ирония как раз и заключается в том, что научный диспут об изменении климата имеет все признаки религиозной войны» [8, с. 261].

Ответственность за принятие значащих решений в итоге лежит всё-таки на акторах, облечённых политической властью. Но, «поскольку политические лидеры всё чаще оказываются “дилетантами”, контроль за экспертами становится задачей других экспертов. Правитель “контролирует одного специалиста при помощи других”... Кто контролирует бюрократический аппарат управления и господствует над ним?», – отмечают Р. Грундманн и Н. Штерн [8, с. 25].

Показательно, что, например, президент Российской академии наук руководит и научно-техническим советом правительственной Комиссии по научно-технологическому развитию РФ. Так политические решения превращаются, а точнее сказать – маскируются под научно-технические вопросы. Именно экспертная деятельность, похоже, стала той экологической нишей, в которой Российская академия наук нашла себя в новом качестве после реформы 2013 г. Академия наук уже и формально, и нотариально, так сказать, ведущая экспертная организация в стране. Какое отношение это имеет собственно к академической науке – интересная тема для специального науковедческого анализа.

Предметный урок использования экспертного знания в геополитике могут дать и классические «кабинетные», академические науки – философия, история, этнопсихология, лингвистика, теоретическая география... Так, сегодняшний спор вокруг юрисдикции части Арктического шельфа ведётся на основе геоморфологических аргументов. Создаются геофизические и математические модели, которые должны доказывать, что подводный хребет Ломоносова – это продолжение российского континентального шельфа. Оппоненты, учёные-геологи Норвегии, США, Канады и Дании, приводят не менее научно обоснованные данные о принадлежности части шельфа этим странам. Эксперты специальной комиссии ООН сейчас решают, на чью сторону встать в этой коллизии.

А вот пример беспримесной большой политики в научной сфере, но с налётом как бы этическим. В ноябре 2024 г. Европейская организация по ядерным исследованиям (ЦЕРН) в Женеве прекратила формальное сотрудничество примерно с 500 специалистами, имеющими связи с Россией. Запрет касается в том числе доступа к Большому адронному коллайдеру (Large Hadron Collider, LHC)⁴. Руководство ЦЕРН долго балансировало между научной целесообразностью сохранения мощной команды российских учёных и требованиями политкорректности. Победила политкорректность и, если можно так сказать, политпослушность научной администрации ЦЕРН.

⁴ ЦЕРН откажется от работы почти с 500 специалистами, связанными с Россией // РИА Новости : [сайт]. 2024. 19 марта. URL: <https://ria.ru/20240319/otkaz-1934142748.html> (дата обращения: 03.01.2025).

Ещё более характерный пример – научный (?) спор о происхождении коронавируса SARS-CoV-2 и вызванной им пандемии COVID-19. Солидный научный журнал Cell опубликовал осенью прошлого года статью, в которой на основе генетической информации, собранной в начале 2020 г. на рынке морепродуктов «Хуанань» в китайском городе Ухань, показывается, что первоначальный очаг распространения коронавируса COVID-19 связан именно с этим рынком [9]. «Это, по сути, отвергает модную гипотезу искусственного происхождения коронавируса в научной лаборатории...», – подчёркивает академик А. Р. Хохлов⁵.

Между тем, вслед, специальный подкомитет по проблеме пандемии коронавируса Комитета по надзору и отчётности Конгресса США обнародовал доклад, в котором, возможно, не менее обоснованно доказывается гипотеза о рукотворном происхождении коронавируса в лабораториях китайского города Ухань [10]. «Однако научное сообщество едино в том, что этот текст сильно политизирован и не имеет никакой научной ценности, в отличие от статьи в Cell», – уверен академик А. Р. Хохлов⁶.

Но в этом-то и парадокс недостоверной научной информации: отнюдь и далеко не все учёные выражают согласие к консенсусу. Научные решения, знания, истина в конце концов «гидрофобны» к концепту «консенсус». По-другому: научные истины не утверждаются и не подтверждаются консенсусом. (Возможно, только за исключением закона всемирного тяготения и второго начала термодинамики. Но только – возможно!) Принятое консенсусом научное решение уже можно справедливо заподозрить в антинаучности.

Однако именно решения, принятые консенсусом, востребованы в политике. «Власть имущие – если они вообще принимают науку – не любят универалистских, бесформенных, сомневающих в себе научных доктрин, модель которых нелегко передать массам и превратить в политический капитал», – замечает лингвист из Университета Теннесси (США) Стивен Блэкуэлл [11, с. 352].

Немецкий историк науки Флавио д’Абрамо, его итальянские коллеги Джулия Гандольфи, Джерардо Йенна и Пьетро Омодео, француз Шарль Вольф, авторы статьи «Политическая эпистемология борьбы с пандемией», подчёркивают: «Получив возможность опереться на использование больших массивов данных, сегодня самые передовые информационные технологии позволяют анализировать подобного рода проблемы с высокой эффективностью. Большие данные могут предоставить лицам, принимающим решения, важный инструмент для прогнозирования и принятия решений в области окружающей среды, медицины, социальной сферы, финансов, безопасности и так далее. Однако в то же время использование больших данных в научной сфере вызвало ожесточённые эпистемологические споры о сложности хранения данных, об их устаревании, об их необъективности и доступности для злонамеренных манипуляций. Однако все эти проблемы находятся не только в эпистемологическом поле, но являются, по сути, проблемами политическими. <...> О том, что наука и политика не могут быть разделены, свидетельствуют исторические примеры борьбы с пандемией, <...> начиная, по крайней мере, с позднего Средневековья» [12, с. 349, 351].

⁵ Хохлов А. Вчера и сегодня я напомнил о... // Алексей Хохлов. Блог в Telegram : [сайт]. 2024. 24 декабря. URL: <https://t.me/khokhlovAR/884> (дата обращения: 14.02.2025).

⁶ Там же.

И – самый свежий пример. Цитирую по агентству «Интерфакс»: «Разлив нефтепродуктов в Керченском проливе не окажет серьёзных негативных последствий на морское побережье Абхазии, сообщил... директор Института экологии Абхазии Роман Дбар. “Движение вод Чёрного моря происходят с востока на запад со скоростью 5–6 км в час. Но когда ветер дует в противоположную сторону, эти воды могут поменять направление и двигаться в сторону Кавказа. Этим и объясняется, что часть мазута достигла побережья Анапы. И за последнюю неделю основной объём оказавшихся в море нефтепродуктов выбросило на берег именно в этом районе, но другая часть продолжает находиться в акватории”, – отметил Дбар. По его словам, то, что “авария произошла не летом, а зимой имеет свои плюсы”»⁷.

То, что проблема экологическая превратилась в чувствительную проблему научно-политическую, подтверждает и последовавшее разъяснение пресс-секретаря Президента РФ Д. С. Пескова: введение режима федерального ЧС в связи с разливом мазута на черноморском побережье после крушения танкеров пока не планируется, заявил он. «Пока нет. *Всё будет зависеть от рекомендаций специалистов* (курсив мой. – А. В.), которые работают на местах», – сообщил Песков на брифинге 24 декабря 2024 г.⁸

Рекомендации специалистов, конечно, последовали. 20 января 2025 г., через месяц после разлива около 2,4 тыс. тонн мазута, Минобрнауки России сформировало межведомственную рабочую группу, которая занимается анализом научно-технических предложений по ликвидации последствий разлива мазута в Чёрном море. «Сведения о технологиях и научных разработках высокой степени готовности поступают от ведущих научных организаций и вузов, добавили в ведомстве. По словам вице-президента РАН Степана Калмыкова, которого цитирует пресс-служба (Минобрнауки. – А. В.), устранение последствий разлива мазута в Чёрном море прорабатывается и с правительственной комиссией, и с тем штабом, который функционирует в рамках Минобрнауки. “Там большое количество учёных – представителей академической науки из институтов Российской академии наук, из университетов. Уже тестируются разные методы, в том числе для поиска и для локализации обнаружений, и боновые защиты на поверхности”, – заключил вице-президент РАН»⁹.

Обратим внимание на слова научного руководителя химического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, академика С. Н. Калмыкова – «Уже тестируются разные методы». Между тем ещё в 2020 г. на выездной сессии РАН на Сахалине одним из приоритетных проектов для региона было названо создание опытного полигона для ликвидации последствий нефтяных разливов. Но, кажется, за пять лет никаких значимых результатов не было достигнуто, если тестирование методов борьбы с разливами нефтепродуктов приходится проводить уже непосредственно после случившегося. Остаётся только повторить вслед за Даниелом Беллом: «Отношение к научному знанию определяет ценностную систему общества» [13, с. 59].

⁷ Учёный уверен, что разлив мазута не окажет серьезного влияния на побережье Абхазии // Интерфакс : [сайт]. 2024. 24 декабря. URL: <https://interfax.ru/world/1000293> (дата обращения: 03.01.2025).

⁸ Введение федерального режима ЧС из-за разлива мазута будет зависеть от рекомендаций специалистов // Интерфакс : [сайт]. 2024. 24 декабря. URL: <https://interfax.ru/russia/1000365> (дата обращения: 03.01.2025).

⁹ Предложения по устранению последствий ЧП с танкерами в Черном море изучит рабочая группа // Интерфакс : [сайт]. 2025. 20 января. URL: <https://interfax.ru/russia/1003727> (дата обращения: 20.01.2025).

* * *

«В связи с усилением неопределённости и непредсказуемости глобальных политических и экономических процессов повышаются требования к эффективности государственных инструментов и институтов. Страны – лидеры по объёму внутренних затрат на исследования и разработки (ВЗИР) продолжают играть ведущую роль в мировом развитии, задавать “правила игры” на конкурентных технологических рынках», – отмечают авторы коллективной монографии «Будущее мировой науки» [14, с. 17].

Ещё один вывод из этого исследования: «Происходит своего рода политизация технологий, а зачастую и технологического развития в целом, с целью смягчения или даже исключения влияния конкурентов на критическую инфраструктуру. Перед учёными ставятся задачи по разработке технологий для решения социально-экономических и политических вопросов в своих странах. На этом фоне формируются соперничающие техноэкономические блоки – общества государств, ориентированные на технологического лидера» [Там же].

Кстати, в принятом 28 декабря 2024 г. Федеральном законе «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 523-ФЗ к субъектам, осуществляющим формирование технологической политики, отнесена и Российская академия наук. Наряду, например, с Правительством РФ, Федеральным Собранием и Центробанком.

Впрочем, с 2010 г. доля государственного сектора во ВЗИР, отражающая вовлечённость государства в выполнение исследований и разработок, в целом по ОЭСР сократилась с 12,1 до 8,9%, по ЕС-27 – с 13,8 до 11,6% [14, с. 113].

И всё же, если актуальная политическая целесообразность оказывается в такой зависимости от состояния интеллектуальной сферы исследований и разработок, то логично предположить, что и политика стала значимым фактором «формообразующего» влияния на науку. *Feedback*, обратная связь, прослеживается несомненно. Одно из проявлений этого взаимовлияния – образ науки и учёных в коллективном бессознательном общества.

Сошлюсь ещё на одно исследование Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. Эмпирической базой для анализа послужили результаты репрезентативного опроса, проведённого в рамках Мониторинга инновационного поведения населения НИУ ВШЭ (6946 респондентов в возрасте 18–65 лет, 2023/2024). Данное исследование ИСИЭЗ НИУ ВШЭ реализует с 2003 г. [15]. Последняя волна опроса показала: 88% россиян считают, что научно-технологический прогресс позитивно влияет на качество их жизни. Значение этого показателя держится выше 80% уже более десяти лет. Такие положительные установки по отношению к науке формируют и позитивный образ учёных. По данным опроса 2023/2024, более половины (57%) респондентов были бы рады, если бы их дети захотели стать научными сотрудниками. Уровень одобрения такого карьерного выбора ещё совсем недавно был гораздо ниже (31–42% в 2003–2016 гг.).

Согласно этому же исследованию, имидж учёного за последнее десятилетие улучшился. Всё меньше россиян воспринимают исследователей как чуждаковатых людей (52% в опросе 2023/2024 гг. против 58% в 2014 г.), которые

интересуются только наукой (36% против 46%) и мало зарабатывают (22% против 42%). Подавляющее большинство считают учёных увлечёнными людьми, которые работают на благо человечества (83% в 2023 г. против 71% в 2014 г.) и помогают решать трудные проблемы (89% против 80%).

Обольщаться, впрочем, не приходится. Хотя всё больше россиян воспринимают работу в науке как хороший выбор для подрастающего поколения, непосредственно для себя этот карьерный трек, по данным опроса 2023/2024, рассматривают лишь 5% респондентов; 6% заявили, что ранее думали об этом; ещё 1% опрошенных в данный момент работают в науке; подавляющее большинство (85%) никогда не хотели стать учёными.

В чём причина? Возможно, в низком уровне доверия в нашем обществе.

Вспомним: 71% американцев считают, что учёные – это честные люди, которые умеют работать в команде. В России уровень социального доверия значительно ниже. Причём не только в обществе в целом, но и в самом научном сообществе. Мнение о том, что активное развитие партнёрств в науке способно изменить её будущее, высказывают 13% опрошенных учёных. Важно: различия между представителями гуманитарных, естественно-научных и технических наук минимальны. Только 22% опрошенных учёных среди трендов мировой науки в период 2023–2030 гг. выбрали развитие диалога науки и общества, популяризацию науки [14, с. 191, 297].

И эти данные в целом коррелируют, например, с индексом PDI (*Power Distance Index*) – индекс российской культуры по степени дистанции по отношению к власти по методике Г. Хофстеде: он составляет 90. Это признак очень жёсткой социальной структуры и высокого уровня социального неравенства; а индекс уровня индивидуализма IDV составляет 50. Для сравнения: у Нидерландов 38 и 80 соответственно [16, с. 312].

Другими словами, социальный капитал российской науки (качество социальных связей с обществом и внутри самого научного сообщества, т. е. возможность получения выгод) весьма скудный. Да, вычислительные компьютерные мощности эквивалентны тем, что имели американские астронавты при высадке на поверхность Луны в 1969 г., теперь у большинства людей в кармане – мобильные телефоны. Поэтому и не удивителен показатель в 88% россиян, которые уверены, что научно-технологический прогресс позитивно влияет на качество их жизни. Влияет, несомненно. Но вложиться в развитие или поддержание этого уровня качества жизни готовы в лучшем случае 15%.

А ведь появление любого гаджета, таблеток от ожирения, нейроимплантантов, электросамокатов, летающих и ползающих беспилотных устройств и проч., и проч. само по себе изменяет и общество, и политику, и даже законодательные системы – разнообразие механизмов влияния науки на общество и политику стремится *ad infinitum*. И это – исторический феномен.

В 1994 г. американский социолог Стивен Шапен высказал гипотезу: развитие экспериментальной науки в Англии в XVII в. стало возможным благодаря возникновению новой системы взаимодоверия между учёными, основанной на джентельменской этике. «...от Гилберта и Бэкона до Декарта и Бойля новые философы природы и их культурные союзники признали превосходство

непосредственного личного опыта или интуиции над авторитетом предшествующих писателей», – пишет Шапен [Цит. по: 17, с. 30].

Возможно, все эти коллизии (и многие другие, не упомянутые здесь) подтолкнут политических деятелей к пониманию того, что формирование образа будущего должно происходить не на основе телевыступлений «медиатических интеллектуалов» (термин Пьера Бурдьё), а на основе «скучных» монографий профессиональных учёных. Возможно, учёные, выступающие в качестве экспертов, будут немного сдержаннее и осторожнее... Увы, примеры ушедшего 2024 г. доказывают, что и политикум, и научное сообщество вряд ли движутся в сторону этой модели взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Understanding and addressing misinformation about science. Ed. by K. Viswanath, T. E. Taylor, H. G. Rhodes. Washington, DC : National Academies Press, 2024. xiv, 394 p. DOI 10.17226/27894.
2. Бухарин М. Д. Наука как возможность и смысл (или десять глав о науке и обществе) // Наука и общество в XX–XXI веках : в двух частях / сост. и отв. ред. акад. РАН М. Д. Бухарин. М. : Наука, 2024. Ч. 1. С. 5–16.
3. Tyson A., Kennedy B. Public trust in scientists and views on their role in policymaking // Pew Research Center : [сайт]. 2024. November 14. URL: <https://pewresearch.org/science/2024/11/14/public-trust-in-scientists-and-views-on-their-role-in-policymaking/> (дата обращения: 03.01.2025).
4. Humble scientists earn more trust // Nature. 2024. Vol. 636, № 8041. P. 11. DOI 10.1038/d41586-024-03858-5.
5. Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии / пер. с англ. С. Гавриленко, А. Морозова и П. Хановой ; под науч. ред. С. Гавриленко. М. : Дело, 2021. 384 с. ISBN 978-5-85006-211-8.
6. Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации / пер. с фр. А. Шестакова ; науч. ред. О. Бычкова. СПб. : Издательство Европейского университета, 2019. 202 с. ISBN 978-5-94380-281-2.
7. Фрумкин К. Г. Любование учёным сословием: отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. М. ; СПб. : Нестор-История, 2022. 348 с. ISBN 978-5-4469-2055-6. EDN JAXWAN.
8. Грундманн Р., Штер Н. Власть научного знания. СПб. : Алетейя, 2015. 324 с. ISBN 978-5-9905769-3-3.
9. Genetic tracing of market wildlife and viruses at the epicenter of the COVID-19 pandemic / A. Crits-Christoph, J. I. Levy, J. E. Pekar [et al.] // Cell. 2024. September 19. Vol. 187, № 19. P. 5468–5482.e11. DOI 10.1016/j.cell.2024.08.010.
10. After action review of the COVID-19 pandemic: The lessons learned and a path forward // Congress.gov : [сайт]. 2024. December 4. URL: <https://congress.gov/118/meeting/house/117748/documents/HRPT-118-SSCPReport.pdf> (дата обращения: 03.01.2025).
11. Блэкуэлл С. Перо и скальпель. Творчество Набокова и миры науки / пер. с англ. В. Полищук. СПб. : Academic Studies Press ; Библиороссика, 2022. 391 с. ISBN 978-5-907532-10-6.
12. Политическая эпистемология борьбы с пандемией / Ф. д’Абрамо, Дж. Гандольфи, Дж. Йенна [и др.] / пер. М. В. Григорьевой, Я. С. Богдановой // Наука и общество в XX–XXI веках : в двух частях / сост. и отв. ред. акад. РАН М. Д. Бухарин. М. : Наука, 2024. Ч. 1. С. 344–368.

13. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. CLXX, 783, [3] с. ISBN 5-87444-070-4.
14. Будущее мировой науки : коллект. моногр. / Л. М. Гохберг (рук. авт. колл.), Т. Е. Кузнецова, Ю. В. Мильшина [и др.] ; под ред. Л. М. Гохберга. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 312 с. ISBN 978-5-7598-3016-0 (в пер.). ISBN 978-5-7598-3103-7 (e-book). DOI 10.17323/978-5-7598-3016-0. EDN OPSAOW.
15. Карьера в науке: что россияне думают об учёных и их работе? / подг. И. Б. Юдин, В. В. Полякова // Наука. Технологии. Инновации. 2024. 29 ноября. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/992196329.pdf> (дата обращения: 03.01.2025).
16. Фомотов А. Г. Россия: инновации и развитие. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. 431 с. ISBN 978-5-9963-0159-1. EDN SUSUGH.
17. Неклюдова М. С. «Живая и совершенная книга»: к вопросу об эпистемологическом статусе трактатов о вежестве XVII века // Теория и мифология книги. Французская книга во Франции и России : сб. трудов российско-французской конференции (Москва, РГГУ, 11–12 сентября 2006 г.). М. : РГГУ, 2007. С. 30–44. EDN SFXTBN.

REFERENCES

1. Viswanath K., Taylor T. E., Rhodes H. G., eds. Understanding and addressing misinformation about science. Washington, DC : National Academies Press; 2024. xiv, 394 p. DOI 10.17226/27894.
2. Bukharin M. D. Science as opportunity and sense (Ten chapters on science and society). In: Science and society in the 20th–21st centuries : in two parts. Comp. and ed. by academician RAS M. D. Bukharin. Moscow : Nauka; 2024. Part 1. P. 5–16. (In Russ.).
3. Tyson A., Kennedy B. Public trust in scientists and views on their role in policy-making. *Pew Research Center*. 2024. November 14. Available at: <https://pewresearch.org/science/2024/11/14/public-trust-in-scientists-and-views-on-their-role-in-policymaking/> (accessed: 03.01.2025).
4. Humble scientists earn more trust. *Nature*. 2024;636(8041):11. DOI 10.1038/d41586-024-03858-5.
5. Fuller S. The sociology of intellectual life: The career of the mind in and around the academy. Transl. from English by S. Gavrilenko, A. Morozov, P. Khanova ; ed. by S. Gavrilenko. Moscow : Delo; 2021. 384 p. (In Russ.). ISBN 978-5-85006-211-8.
6. Latour B. Où atterrir? Comment s'orienter en politique [Gde prizemlitsya? Opyt politicheskoi orientatsii]. Transl. from French by A. Shestakov ; ed. by O. Bychkova. St. Petersburg : EUSP Press; 2019. 202 p. (In Russ.). ISBN 978-5-94380-281-2.
7. Frumkin K. G. Admiring the academic class: Reflection of the social history of Soviet science in literature, art and public rhetoric [Lyubovanie uchenym sosloviem: Otrazhenie sotsial'noi istorii sovetskoi nauki v literature, iskusstve i publichnoi ritorike]. Moscow ; St. Petersburg : Nestor-Istoriya; 2022. 348 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4469-2055-6.
8. Grundmann R., Stehr N. Die Macht der Erkenntnis [Vlast nauchnogo znaniya]. St. Petersburg : Aletheia; 2015. 324 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9905769-3-3.
9. Crits-Christoph A., Levy J. I., Pekar J. E. [et al.] Genetic tracing of market wildlife and viruses at the epicenter of the COVID-19 pandemic. *Cell*. 2024;187(19):5468–5482.e11. DOI 10.1016/j.cell.2024.08.010.
10. After action review of the COVID-19 pandemic: The lessons learned and a path forward. *Congress.gov*. 2024. December 4. Available at: <https://congress.gov/118/meeting/house/117748/documents/HRPT-118-SSCPReport.pdf> (accessed: 03.01.2025).

11. Blackwell S. H. The quill and the scalpel. Nabokov's art and the worlds of science [Pero i skal'pel'. Tvorchestvo Nabokova i miry nauki]. Transl. from Engl. by V. Polishchuk. St. Petersburg : Academic Studies Press ; Bibliorossika; 2022. 391 p. (In Russ.). ISBN 978-5-907532-10-6.
12. D'Abramo F., Gandolfi G., Ienna G., Omodeo P. D., Wolfe C. Political epistemology of pandemic management [Politicheskaya epistemologiya borby s pandemiei]. Transl. by M. V. Grigorieva, Ya. S. Bogdanova. In: Science and society in the 20th–21st centuries : in two parts. Comp. and ed. by academician RAS M. D. Bukharin. Moscow : Nauka; 2024. Part 1. P. 344–368. (In Russ.).
13. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting [Griadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniia]. Transl. from English ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow : Academia; 1999. clxx, 783, [3] p. (In Russ.). ISBN 5-87444-070-4.
14. Gokhberg L. M., Kuznetsova T. E., Mil'shina Yu. V. [et al.] The future of world science [Budushchee mirovoi nauki] : A multi-authored monograph. Moscow : HSE University Publ.; 2024. 312 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-3016-0. ISBN 978-5-7598-3103-7 (e-book). DOI 10.17323/978-5-7598-3016-0.
15. Career in science: What do Russians think about scientists and their work? [Kar'era v nauke: chto rossiiane dumayut ob uchenykh i ikh rabote?]. Prep. by I. B. Yudin, V. V. Polyakova. *Science. Technologies. Innovation=Nauka. Tekhnologii. Innovatsii*. 2024. November 29. Available at: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/992196329.pdf> (accessed: 03.01.2025). (In Russ.).
16. Fonotov A. G. Russia: Innovation and development [Rossiya: innovatsii i razvitie]. Moscow : BINOM. Laboratoriia znanii; 2010. 431 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9963-0159-1.
17. Neklyudova M. S. "The living and perfect book": On the epistemological status of 17th-century treatises on politeness [«Zhivaya i sovershennaya kniga»: k voprosu ob epistemologicheskom statuse traktatov o vezhestve XVII veka]. In: Theory and mythology of the book. The French book in France and Russia : [Teoriya i mifologiya knigi. Frantsuzskaya kniga vo Frantsii i Rossii] : Proceedings of the Russian-French conference (Moscow, Russian State University for the Humanities, September 11–12, 2006). Moscow : RSUH; 2007. P. 30–44. (In Russ.).

Поступила в редакцию / Received 10.01.2025.
 Одобрена после рецензирования / Revised 09.02.2025.
 Принята к публикации / Accepted 11.03.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ваганов Андрей Геннадьевич *andrewvag@gmail.com*

Ответственный редактор, приложение «НГ-наука», «Независимая газета»; член Комиссии РАН по истории химии, Москва, Россия
 SPIN-код: 8758-9251

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey G. Vaganov *andrewvag@gmail.com*

Executive Editor, NG-Nauka Supplement, Nezavisimaya Gazeta; Member, RAS Commission on the History of Chemistry, Moscow, Russia
 Web of Science ResearcherID: F-9864-2016